

Айд Мус

Жан Дю Шан

Тысяча земных лет

Айд Мус

Жан Дю Шан. Тысяча земных лет

«Издательские решения»

Мус А.

Жан Дю Шан. Тысяча земных лет / А. Мус — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902035-2

Этот дневник содержит заметки не простого скитальца, а человека, который совершил путешествие длиной в тысячу Земных лет. Он участвовал в корабельных битвах, бывал на войне, встретил космических пришельцев и оказался в будущем. Он завещал свои записи человечеству, но похоже, люди слишком увлечены потреблением, чтобы читать.

ISBN 978-5-44-902035-2

© Мус А.

© Издательские решения

Содержание

Следуя за нежной нитью	6
12 декабря 1638 год	7
15 декабря 1638 год	8
19 декабря 1638 год	9
22 декабря 1638 год	10
30 декабря 1638 год	11
6 января 1639 год	12
8 января 1639 год	13
16 января 1639 год	14
1 февраля 1639	15
3 февраля 1639 год	17
4 февраля 1639 год	18
5 февраля 1639 год	19
7 февраля 1639 год	20
17 февраля 1639 год	21
18 февраля 1639	22
8 марта 1639 год	23
10 марта 1639 год	24
25 марта 1639 год	25
30 марта 1639 год	26
17 апреля 1639 год	27
23 апреля 1639 год	28
26 апреля 1639 год	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жан Дю Шан. Тысяча земных лет

Айд Мус

Дизайнер обложки Альбина Гумаровна Кашапова

© Айд Мус, 2019

© Альбина Гумаровна Кашапова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-2035-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Следуя за нежной нитью

Натали, моя дорогая Натали. Я бросил все, свой титул, богатство, дворец, оставив позади жизнь, которую подарил мне отец. Вся эта роскошь, она мне чужда. Я понял, что все это богатство не заполняет пустоту, которая так велика в тех, кто в нем прозябает. От жены мне тоже пришлось уйти, ее, увы, я не люблю. Отныне, мое сердце, всецело принадлежит тебе, моя Натали. Люди, окружавшие меня в поместье, твердили, что ты лишь служанка, простолюдинка, что не быть нам вместе. Но неведомо им это поглощающее чувство блаженного трепета и упоения. В памяти моей, вдруг возникает, твой голос, порой дуновение ветра доносит его до меня. И твой взгляд, который сразил меня, показав всю красоту твоего сердца. Я помню, как во мне возникало тепло, когда я слышал твой смех.

12 декабря 1638 год

Вот и миновал первый день моего изгнания. После жизни, прожитой в роскоши, день этот, показался мне лучшим днем в моей жизни. Сегодня я ощутил вкус свободы. Правда, оказался он не столь сладким каким его я предвкушал. Но на пути к даме моего сердца мне не страшны никакие преграды.

Я увидел, как живут люди в порту. С вершины холма, где раскинулось поместье, в котором я просуществовал все свои восемнадцать лет, не было этой жизни, бурлящей у подножья. Я раньше спускался в город, но, смотрел на людей свысока. Мне казалось, что я выше этих ничемных жизней копошащихся вокруг. Уйдя в отречении от всей той роскоши, что меня окружала, я стал частью этой бурлящей жизни. Здесь, простолюдинам приходится выживать, без далеких мыслей об окружающем их мире. И вряд ли у меня получится назвать этих людей порядочными, благородными, сострадательными и милосердными. Ведь люди эти в большинстве своем безграмотные невежды, разбойники, пьяницы и бездельники. Но есть среди них и неплохие люди.

Сегодня по непонятной мне причине я начал замечать то, чего раньше взор мой избегал. Это удивительно. Я смотрел, как кружатся в небе чайки и полной грудью вдыхал пьянящий, свежий воздух океана, слыша, как вдали раздавались сигнальные корабельные колокола. Раньше я не осознавал насколько приятно это ощущение, когда тебя обнимает прохладное дуновение ветра. Все это вдруг наполнило мою жизнь красотой.

Я был на рынке. Встретился там с женщиной, у которой Натали покупала фрукты для кухни. Ее зовут Мария, очень приятная и веселая дама, угостила меня свежим яблоком, вкус которого мне показался необыкновенным. Она мне поведала о том, что Натали рассказывала о тех местах, где выросла.

Теперь я знаю, куда мне отправиться на ее поиски.

15 декабря 1638 год

Мне удалось найти корабль, идущий по курсу к побережью, где я, возможно, смогу найти Натали. Но сперва, экспедиция из трех кораблей должна будет посетить острова, расположение которых, мне, увы, узнать не удалось. В подробности самой экспедиции меня не посвящают.

Я с трудом поднялся на борт одного из кораблей, капитан которого не желал брать меня. Но мое аристократическое происхождение и несколько золотых монет переубедили его, и он принял меня, с условием, что я не буду доставлять его команде хлопот.

Экспедиция состоит из трех кораблей. Бриг «Меркурий», фрегат «Камень», и огромный линейный корабль «Виктория». Я погрузился на «Викторию». Корабль необычайных размеров. Он просто огромный. На его борту около четырех ста человек команды и чуть больше сотни пушек по оба борта. С некоторыми членами экипажа я уже познакомился.

На корабле мне встретился моряк. Его зовут Джанило Галиэра. Я чувствую, что он смотрит на меня с презрением. Трудно понять почему. Но думаю из-за моего аристократического вида, и порой напыщенных манер. Каким бы грубым он не был, он кажется мне настоящим, в отличие от многих. Его озлобленность выглядит абсолютно естественной.

Корабль оказался действительно больших размеров. Со стороны он внушает страх, а внутри я чувствую себя под защитой прочного борта. Я около часа ходил в попытках его посмотреть. Меня не пустили в трюм. Похоже, там что-то важное.

Ветер наполняет паруса. Волны ударяют в борт. Мы будто мчимся вдаль, далеко за горизонт. Мы преследуем заходящее солнце, утопающее в океане.

Я нахожусь в предвкушении новых приключений. Погружаясь в воспоминания, я понимаю, что моя прежняя жизнь не доставляла мне ничего, кроме разочарований. Дни проходили мимо, по расписанию, утром я завтракал овсянкой, затем занимался грамматикой и арифметикой, позже фехтовал и стрелял из мушкета, в полдень я обедал, после полудня спал и тренировался в верховой езде. Жизнь казалась прекрасной, и одновременно скучной.

Теперь все иначе, волны несут меня на встречу к новой жизни.

19 декабря 1638 год

Похоже, вот и настал мой конец! Океан обозлился на нас! Природа доносит нам всю силу своего гнева. За бортом я слышу раскаты грома, будто разрывающие небеса. Зловещее завывание ветра несет с собой кружащие вихри поднимающие воду.

Эти суровые, бесстрашные моряки. Им неведом страх. Они наперекор стихии ведут наше судно. Никто не прячется, каждый остается на своем месте. Их вдохновляет тот парень, Джанило Галиэра. Он кричит на всех и ругается, говорит, что вся команда слабаки, трусы и безмозглые пройдохи. Не вытирая мокрое лицо, он во весь голос восклицает, что ничтожно крохотная буря неспособна сокрушить его безмерную волю. Ему никто не перечит, членов экипажа это вдохновляет, они начинают работать усердней.

Я не мог себе представить, что природа способна на столь мощные сокрушения, повергающие меня в ужас. Я не трус, но мне еще не приходилось блуждать в бушующем мраке зловещего шторма. Я начинаю осознавать, что в преддверие смерти, вкус жизни становится насыщен изобилием.

22 декабря 1638 год

Погибель меня миновала. Я проснулся рано утром или поздно ночью. Поднялся на верхнюю палубу окинуть взором горизонт. Кругом светят звезды, усыпанные на небе, свет их доносит тепло моему сердцу. Могучий океан, бесконечное небо и я, мы словно слились в одном гармоничном вдохе.

Как жаль, что самая красивая звезда, моя Натали, сейчас мне неведома. В тот бушевавший шторм мысль о тебе, меня не покидала.

Шторм повредил корабли. «Камень» с треском потерял среднюю мачту. Мы уходим в ближайший порт на ремонт.

Этот день я ознаменую рождением чего-то нового, чего-то прекрасного, того, что будет светить, словно звезды в ночном небе. Я предложу морякам обучиться грамоте, поскольку писать и читать мало, кто умеет на этом судне.

30 декабря 1638 год

Несколько моряков с энтузиазмом приняли мое безвозмездное предложение обучить их грамоте. Некоторые из них гораздо старше меня, но поведение их подобно юным детям, седым бородатым юнцам.

Один ученик по имени Джек, делает большие успехи. Спустя неделю обучения он уже читает по слогам. Он сказал мне, что отдал бы все свои деньги, которые у него есть, за это великое умение, читать и писать. Я ему дружелюбно отказал. Пусть побережет монеты, для своей жены и семерых детей, которым я надеюсь, он прочтет немало сказок.

Эти потрепанные морем люди. Некоторые из них, ни на что не променяли бы проведенную под парусом жизнь. Слишком сладок для них соленый запах океана. Есть и те, кто мечтает жить фермером. А кто-то прозябать в борделях и упиваться ромом.

Многим людям океан даровал свободу, многих безвозвратно поглотил.

Один старый моряк поведал мне невероятную историю о том, как однажды он тонул, после ожесточенной корабельной битвы. Спасение на него снизошло благодаря огромной акуле, которую он оседлал. Это просто невероятно.

6 января 1639 год

Позади тысячи миль и прошедшая беззаботная жизнь. Я предложил капитану, свои услуги в качестве моряка. Он согласился, и даже назначил мне жалование с надбавкой за то, что я обучаю его людей грамоте. Образование несет великую пользу.

Многие члены экипажа знакомы мне, например мои ученики, они радушно приняли меня в команду. Правда, не все. Джанило Галиэра, после шторма стал старпомом, он был не рад тому, что на корабле появился, как он выразился – сухопутный, никчемный кусок обезьяньих экскрементов, неспособный даже вытереть собственные сопли.

Сегодня меня обучали самому простому, вязать узлы. На какой-то миг я вдруг почувствовал себя частью команды, они даже смеялись надо мной. Я не злился, мне показалось это забавным.

Ближе к полудню я уснул, расположившись в гамаке. Джанило Галиэра облил меня из ведра, водой, которой драили палубу. Я возмутился, но он сказал что, если бы я не был членом экипажа, он бы этого не сделал. Возможно, как для члена команды, это справедливое наказание, за безделье.

Хоть я и стал, от части, членом экипажа. Меня по сей день не пускают в трюм. Меня отныне посетило любопытство.

8 января 1639 год

Сегодня мне во сне явилась моя жена, Изабэль. Она плакала во мраке, будто оплакивая мою кончину. Любил ли я ее на самом деле? Все чаще мне приходится задуматься над прожитыми днями. Я ее, пожалуй, не любил. Мой выбор не пал на нее. Она просто была рядом с самой моей юности. Наши состоятельные родители дружили и подталкивали нас друг к другу. Они в большей мере были заинтересованы в нашем браке.

Изабэль прекрасная дама, добрая и милая, само очарование. Но взгляд ее, мне оказался чуждым. Он вроде бы родной, но, отстраненный, витавший где-то в стороне. Я не увидел в ее взгляде той глубины, что поглощает без остатка. Но смог его увидеть я у Натали, ее глаза, ее взгляд, так сразу озаривший мое сердце, он похитил меня у этого мира.

Если бы не Натали, я бы так и провел свою жизнь в роскоши и изобилии. У меня родились бы дети, и мы так и жили бы в поместье до самой старости. Но жизнь пронеслась бы мимо, словно пролетающие птицы.

Я чувствую, как ветер свободы окутывает меня целиком.

16 января 1639 год

Жизнь на корабле обыденна. Здесь редко что-то происходит. Все заняты одним и тем же делом, изо дня в день. Кругом бескрайний океан, уносящий нас далеко за горизонт

Самым любопытным явлением за все время, стало появление китов. Целая стая огромных китов, проплывала совсем неподалеку от нашего корабля.

Глядя на всплывающих величественных существ, фонтанами выпускавших воду, я вдруг задумался о том, что они самые большие существа, которых мне доводилось видеть. Интересно, есть ли кто-нибудь больших размеров, чем киты?

Один моряк по имени Себастьян поведал мне, что довелось ему услышать пение китов. Он с таким интересом рассказывал, что мне казалось, будто он превращается в поющего кита. Это кажется невероятным, но опровергнуть это я не в силах. Мне любопытно стало взглянуть в глубины океана, познать какие тайны он в себе хранит.

К счастью, мне не довелось встретить китобоев. Людей, которые убивают этих красивых животных, мирно плывущих в синих водах океана, чтобы добыть у них китовый жир, использовать его как топливо для фонарей освещающих улицы городов. Я уверен, что наука способна дать нам то, что позволит человеку, жить так, чтобы ему не приходилось наносить ущерб нашей прекрасной природе.

Люди порой убивают самое прекрасное, что их окружает.

1 февраля 1639

Случилось ужасное. В сумеречном преддверии, когда солнце уже почти зашло за горизонт, наш корабль и корабли, неведомые мне ранее, сошлись в битве.

Я никогда прежде не видел таких кораблей. Огромные, прямоугольные, словно плывущие деревянные ящики. У них не было парусов. Плыли они благодаря нескольким десяткам длинных весел, стремительно приближавших к нам загадочные суда.

Весла двигались синхронно, каждое движение сопровождалось возгласом раздававшимся вдали. Наш капитан насторожился и приказал развернуть корабли. Я поднялся на верхнюю палубу. Члены экипажа замерли в предвкушении битвы.

Корабли остановились, замерев в тянущемся ожидании, казавшемся тогда вечностью. Весла их кораблей были подняты вверх. Наши пушки были готовы к залпу.

С их кораблей раздался вопль, предвещающий битву. Весла вновь начали грести, с большей силой, стремительно приближая к нам корабли. С их бортов будто взлетело облако птиц, вырвавшихся на свободу. Мгновение спустя, стало ясно, что это вовсе не птицы. Это были стрелы, яростно со свистом падавшие на нас с небес. Стрелы пронзали моряков и впивались в обшивку корабля.

Капитан немедленно скомандовал к залпу. Прогрели зловещие раскаты пушек, извергнув огненную мощь. Так больно бьющие по сердцу, громкие раскаты пушечных залпов, повергли меня в ужас.

Я дрогнул, у меня затряслись колени, я чувствовал, как меня поглощает страх. Меня обуял ужас и заставил трепетать перед ликом смерти и разрушений. Я безмолвно стоял, глядя на раненных моряков и кругом вонзающиеся стрелы. Если бы не Джанило Галиэра, возможно я бы встретил в тот момент свою погибель. Он отвесил мне пощечину, которой равной не было по силе, никогда. Шлепок от удара стал для меня громче пушечных залпов. Я сразу пришел в себя и бросился помогать морякам.

Продолжали греметь сокрушительные пушечные залпы, извергая из пушек сотни ядер. Джанило Галиэра громко зывал капитана, чтобы тот приказал всем покинуть верхнюю палубу. Капитан отказал ему, сказав, что на палубе есть пушки, из которых кто-то должен стрелять и что его моряки не трусы.

Некоторых моряков, которых настигли стрелы, я оттаскивал внутрь корабля. Там их относили в более безопасное место. Пушечные залпы наших кораблей сокрушали и поджигали корабли нападавших. Я видел, как пылающие корабли продолжали приближаться. Окутанные пламенем суда были совсем близко, весла продолжали грести, невзирая на пламя. Один корабль, медленно начал тонуть.

Вдали прозвучали ответные залпы пушек, пушечные ядра обрушились на наш корабль. Кругом летали деревянные щепки и раздавался хруст древесины. Стоны изнывающих от боли моряков я слышал отовсюду. Я словно впал в безумство, я не замечал кругом возникший ужас. Мое сознание словно воспаряло над происходящим, я видел все, я все, осознавая, продолжал оттаскивать раненых. В один миг я будто понял, что так и должно быть.

Один корабль протаранил бриг «Меркурий». Тот хоть и был меньших размеров, он все же устоял, смог дать ответный, последний залп, затем на нем разразилась безжалостная битва.

Другой корабль приравнялся бортом с нашим. Капитан дал команду на последний залп. Пушки прогремели в упор, обрушив на корабль сотни ядер, в деревянные клочья, разорвавшие их правый борт.

Они пошли на abordаж. Я до той поры не мог себе представить подобных воинов, одетых в черные доспехи с масками, у них не было мушкетов, они сражались, держа в руках два меча, один был длиннее другого. Они были обучены ремеслу убийства. Клинки в их руках стано-

вились их продолжением, они двигались изящно и грациозно. В отличие от наших моряков, редко державших саблю, которые били не глядя.

Эти воины неистово убивали наших людей. Я был безоружен, я хотел отойти, но споткнулся о тело лежавшего за моей спиной моряка и упал. Один из воинов вознес надо мной свой клинок, собираясь его на меня обрушить. Я видел, как в его клинке сверкнуло багровое отражение заходившего солнца. Будто закат этого дня становился закатом моей жизни. Но откуда-то раздался выстрел, сразивший того воина, не знаю кто выстрелил, но он спас меня тогда.

Я поднял голову и увидел стоявшего неподалеку Джанило, в его тело впились три стрелы, в руку, в плечо и в ногу, он обломил их, оставив наконечники в своем теле и буйствуя, свирепо продолжил битву, истекая кровью и, невзирая на полученные ранения.

Кто же эти неистовые воины, так хладнокровно убивавшие нас? Казалось им не было равных во владении мечом. Они не задумываясь рубили моряков. Их с трудом смогли остановить наши мушкетеры. Расстреливая их издали, они не давали им шанса атаковать клинками. Даже под натиском мушкетного обстрела, эти бесстрашные воины продолжали наступать, они приближались, крепко держа в руках клинки. Никто из них не дрогнул и не отступил, им неведом страх. Мушкетные пули пронзали их доспехи, они, падая на колени, пытались подняться и продолжить, но, увы, они, безмолвно увядая падали вниз. С одного из них слетела маска, я увидел, как искренне он улыбнулся, с невиданной радостью встретив свою смерть.

Нам с большим трудом далась победа. Если бы не пушки и мушкеты, мы бы были обречены на поражение. Наше численное превосходство абсолютное ничто, по сравнению с их безупречной техникой сражения. Ни один моряк нашего корабля, не обладает такими навыками, как те, которых победили не мы, а наше оружие.

Одного из этих воинов мы взяли в плен. Когда мы его нашли, он был без сознания. Видимо его отбросило взрывом, и он ударился головой. Его связали и поставили на колени. Он не сопротивлялся, он поднял голову и устремил свой взгляд в небо. Он, глядя на нас, широко и искренне улыбался. На него направили мушкеты. Он не боялся. Каждый моряк был готов разорвать его в клочья, за это нападение. Но я видел страх в их лицах, когда они смотрели на этого улыбавшегося в лицо смерти, воина.

Капитан приказал развязать его, а затем протянул ему короткий меч. Команда была в недоумении. Я услышал, как несколько моряков взвели свои мушкеты, у одного из них затряслись руки. В ответ на это, пленник уважительно поклонился. Затем он твердо сел на колени, держа в руке короткий клинок. На верхней палубе зависла тишина.

Моряки ждали, что он набросится на них, но этого не случилось. Он что-то произнес, а затем вонзил себе в живот клинок. Это по-настоящему напугало всех. Он поперхнулся от боли, издав при этом тихий, скрипящий по ушам стон. Джанило Галиэра стоял за его спиной, он поднес к его затылку мушкет и будто не желая слушать предсмертные стоны, выстрелил ему в голову, избавив его от мучений.

Позже, капитан рассказал мне, что слышал о бесстрашных воинах, живущих на востоке. Он не ожидал, что услышанные сказки о бессмертных воинах окажутся правдой. А увидев того, кто сам распоряжается своей жизнью, он добавил, что для него это честь, встретится с таким воином. Это прозвучало странно, ведь эти воины убивали его моряков.

3 февраля 1639 год

Я вышел из тени роскоши и изобилия, оказавшись под ударом лучей жизни, теплых, горячих, порой пылающих, сжигающих и даже грохочущих как пушечные залпы.

Вкус жизни перестал быть прежним. Мне было грустно и печально, когда мы убрали тела павших в бою моряков. Я едва сдерживал слезы, когда оттаскивал тело Себастьяна. Совсем недавно мы вместе вязали узлы, а теперь, многие из них, пали в забвенье. Как жаль осознавать, что человек, с таким интересом поведавший мне о пении китов, никогда не промолвит ни слова. Теперь он будет жить лишь в нашей памяти.

Капитан запретил снимать доспехи с тех воинов. Он с честью отнесся к своим противникам. Быть может, в глубине своего сердца, он понимал, что мы на самом деле проиграли эту битву. Что мы словно трусы спрятались за раскатами пушек и пороха. Трудно смириться с тем, что слабые люди, могут побеждать сильных, лишь благодаря оружию.

Тела наших моряков и тех бесстрашных воинов мы завернули в парусину и передали их глубинам океана. Они уходили, погружаясь под синее покрывало, которое покрывает их вечный сон. Как жаль вновь не свидеться с теми, кого поглотил океан, их смех не услышать, мне больше не увидеть храбрый их взор.

Я подобрал тот клинок, который взнесся надо мной и едва не лишил жизни. Капитан не возражал.

Смерть окружающих людей наводит меня на мысль о моей собственной смерти, и заставляет смотреть на мир иначе. Глядя на то, как тот воин сам завершил свою жизнь, я понял, что это и есть истинная свобода, до последнего вдоха распоряжаться собственной жизнью. Возможно свобода, это способность самому принять решение, когда сделаешь последний вдох.

4 февраля 1639 год

Сон и покой меня покинули. По ночам мне слышатся раскаты пушечных залпов и крики моряков. Стоит мне сомкнуть глаза, как вдруг возникает во мне чувство страха. Мое тело сковывает, постепенно сжимаясь, затем я просыпаясь пытаюсь вдохнуть поглубже. Прежде мне не доводилось испытывать подобных мучений.

Неподалеку от меня уютно расположился Джанило Галиэра, он крепко спит. Его ничто не в силах побеспокоить. Мне начинает казаться, будто вся его жизнь была наполнена страданием и подобными кровопролитными боями. Глядя на его невозмутимую физиономию, я вдруг вспоминаю, как накануне он безжалостно пристрелил того воина. Желал ли он гибели? Или напротив, милосердно прекратил его предсмертные страдания.

Выходя на верхнюю палубу, освещенную лунным светом, я вижу океан, раскинувшийся далеко за горизонт, его бушующие воды поглотили так много славных моряков. Со мной вдруг что-то случилось. Во время боя я вдруг прикоснулся к смерти, оставаясь живым, будто побывал на забвенной границе между жизнью и смертью. Покой меня покинул вовсе. Кажется, время стало течь ничтожно медленно. Эта ночь становится бесконечной.

5 февраля 1639 год

Никто в моем поместье не мог обмолвиться со мной о смерти. Прежде мне не приходилось сталкиваться с подобным. Возможно слуги, уходившие от нас, вовсе уходили из жизни, но мне это было неведомо. Возможно, мои родители не желали, чтобы я познал страдания, окружив меня роскошью и изобилием, они хотели огородить меня от этого.

Но зачем? Какой смысл скрывать от меня неизбежное? Погибель неминуема! Умру ли я сегодня? Завтра? Быть может спустя сотню лет? Всем нам однажды предстоит кануть во мрак.

Прозябая на вершине холма, где раскинулось поместье моих родителей, я упустил жизнь. Я не ценил всех тех убранств, что меня окружали. Нужны ли мне они? Мне нужны были крылья, чтобы вознестись над миром.

Я видел смерть лишь изображенную на картинах, воспетую в поэмах и сложенную в стихах. Но это все ничто. Боль, которую она несет всесильна. Побывав в преддверьях мрака, жизнь становится иной.

Помнится мне, сидел я в чертогах своей, казалось мне тогда, уютной обители. Вид из окна демонстрировал мне красоты скалистого побережья. Моя просторная комната была наполнена лучшей мебелью и самыми изящными картинами и великолепными скульптурами. У меня был камин, из которого раздавался треск древесины, придворные слуги следили, чтобы пламя в нем не гасло. А моя прекрасная жена пела мне песни, голосом, доносившимся до меня словно пение птиц. И я помню грусть, так сильно обуявшую меня тогда. У меня было все и ничего одновременно. В моем сердце была брешь.

Натали, она явилась первым лучом света в моей жизни, она подвигла меня на побег. Я бросился вдаль за горизонт, чтобы ее отыскать. За пределами моего обыденного существования я обнаружил жизнь, полную радости и печали.

Сейчас я сижу за столом, забившись в угол на сырой пушечной палубе. Свеча уже совсем догорает, почти не осталось чернил. Корабль плавно качают волны, каждое дуновение ветра доносит до меня прохладу. Я слышу, как лежа в гамаке кто-то храпит. Я чувствую себя живым, здесь, где я лишен тех удобств.

7 февраля 1639 год

Сегодня ночью мне удалось поспать, прежняя мучительная агония меня не тревожила. Находясь среди моряков, мне вдруг становится легче, мы словно делимся друг с другом своей болью, и она покидает нас.

Джанило Галиэра поймал большую рыбу. Он подкрался к Джеку сзади и позвал его, а тот обернулся и получил рыбой по лицу. Джанило продолжил избивать его за то, что ночью он напился ромом и заснул на вахте. Выглядело это весело. Джек убегал от Джанило, который бегал за ним и пытался ударить его рыбой.

17 февраля 1639 год

Мы высадились в бухте. Нашим кораблям необходим ремонт. Капитан не решился заходить в порт, толком и не обмолвился почему.

Здесь красиво. Белый теплый песок ласкает мои измученные деревянными полами ноги. Свежий воздух океана обдувает мое тело, здесь на суше он кажется абсолютно другим. Мысль о Натали согревает мое израненное битвой сердце.

Мне начинает казаться, что команда себя странно ведет. Отказ капитана высадиться в порту, послужил первой причиной. Теперь, команду у трюма усилили. За все время, проведенное в плавании, я так и не побывал там, я даже не видел, чтобы Джанило Галиэра заходил в трюм, хоть он и старпом капитана, он держится в стороне. Ходит кругом и пристально все разглядывает. Кажется, у него возникли подозрения.

Несмотря на недосказанность, команда осталась дружной. Капитан категорически отказался нанимать новых людей в городе. Сказал, что приведет не больше пяти человек. Как бы ни шли у нас дела, люди нам нужны, лишние руки для ремонта кораблей не помешают

18 февраля 1639

Сегодня мне снилась Натали, наша беззаботная жизнь в одной из пещер этой бухты. Никакие дворцы и роскошная мебель не будут наполнены теплом и уютом без любимой сердцу дамы.

В моем поместье я был окружен роскошью, лучшие светские дамы проводили время под моей крышей. Но все балы и торжества, на которых мне довелось побывать, были лишены искренности. Люди там сплетничали друг у друга за спинами, обсуждая чужое имущество. Там я не чувствовал себя как дома.

Впервые я почувствовал себя человеком, когда встретился взглядом с Натали. Когда я открыл свои чувства, она искренне плакала, говорила, что все это сон, но я ей твердил, что мы, наконец, проснулись.

Мы полюбили без слов, что наполнены лживой тьмой. Я мог сочинять ей баллады, стихи и поэмы, но она просила лишь об одном. Чтобы взор мой не стал очерненным, чтобы искренность он источал. Она смотрела на меня восхищенно. Музыка любви текла в наших сердцах. Мы были безмолвны, утопая в нашей упоенной любви.

Почему она ушла? Вот вопрос, разрывающий мое сердце на бесчисленное множество осколков. Она оставила письмо, я его так и не вскрыл. Возможно, я боюсь узнать правду. Но я намерен узнать, какой бы она не была, когда Натали скажет ее, глядя мне прямо в глаза.

8 марта 1639 год

Дождь не стихает уже три дня. Работа по ремонту корабля замедлилась. Большинство моряков напиваются ромом, чтобы не продрогнуть от холода. Сегодня я осмелился и решил пробраться в трюм, когда моряки, стоявшие у его дверей, отправились дернуть по кружке рома.

Я был крайне осторожен. Если бы меня поймали, сказать, что я ошибся дверью, было бы весьма странно. Пришлось рискнуть.

За дверью я обнаружил лестницу, ведущую вниз. В трюме я обнаружил множество клеток, в которых находились разные животные. Многих мне не доводилось встречать и я не знаю, как они называются. Трюм оказался перестроен так, что в нем смогли уместиться даже жирафы. До той поры, про жирафов, я мог только услышать из уст одного скитальца, которому доводилось бывать в местах, где они обитают.

Изнеможенные, измученные звери, в их глазах я видел лишь тоску и боль. На меня нахлынуло дикое желание открыть все клетки и выпустить их на волю. В одной из клеток я увидел белых тигров, такие же были изображены на доспехах и флагах тех воинов, и на клинке, который я поднял, тоже изображен тигр. Мне вдруг показалось, что именно эти тигры послужили причиной нападения.

Они смотрели на меня, словно взывая о пощаде, будто выпрашивая у меня свободу. Если бы я их выпустил, то бежать им было бы некуда, кругом вода. А до берега плыть довольно далеко.

Когда я развернулся, чтобы уйти, передо мной предстал Джанило Галиэра. Тогда я дрогнул от испуга. Я был готов к тому, что он меня яростно обругает. Но в тот момент в его глазах не было прежней озлобленности, увидев зверей лишенных свободы, он словно проникся искренним состраданием.

Он просунул руку в клетку к белому тигру. Тот медленно подошел и подsunул голову под его ладонь. Джанило гладил тигра, а тот в ответ тихо урчал. Они, будто два встретившихся зверя, смиренно трепещущих, друг перед другом.

Джанило Галиэра подошел ко мне, и глядя прямо в глаза, отвесил мне пощечину. Наверно даже тигры отвернулись, чтобы этого не видеть. Он говорил тихо, так, чтобы нас никто не услышал. Говорил, что это небезопасно, находиться здесь. Спрашивал, почему я сую свой нос туда, куда чайка не нагадит. Он недолго тихо поворчал, затем отвесил мне еще одну пощечину, уже по другой щеке и устремился прочь, я покинул трюм следом за ним.

10 марта 1639 год

После нашей встречи в трюме, мы с Джанило не разговаривали. Мы пару раз встретились взглядом, но не более того. Теперь он кажется еще озлобленней, он словно рассердился на моряков за то, что они смогли допустить подобное. Я не стал обсуждать это с капитаном, ибо это могло обернуться для меня неприятностью и для Джанило тоже.

25 марта 1639 год

Мы в спешке покинули бухту, где пробыли недолго. Ремонт кораблей так и не был завершен. Капитан взволнован. У меня сложилось впечатление, что мы уходим от погони. Капитан все чаще смотрит в подзорную трубу. Он оправдывается, утверждая, что нам не стоит попусту терять время, и мы можем на плаву ремонтировать корабли.

30 марта 1639 год

Мы продолжаем блуждать в бескрайних водах океана. К счастью, погода нам благоволит, и шторма не предвидится. Прохладный ветер наполняет наши паруса, унося нас вдаль.

Капитан загружает нас работой. У меня совсем не остается времени. Ближе к вечеру, когда у меня едва хватает сил чтобы выпить чаю, я засыпаю. Едва я ложусь, меня в тот же миг окутывает сон. Ночи проходят незаметно. Солнце восходит над океаном, наступает новый день, я чувствую себя отдохнувшим, будто после вечного сна. Работа продолжается.

17 апреля 1639 год

Мы прибываем. Вот уже на горизонте я вижу остров. Капитан сказал мне, что остров этот известен лишь нескольким людям, и побывать на нем – это честь. Хотя мне этот остров, кажется обыденным.

Совсем скоро, когда мы покинем этот остров, корабль придет к побережью, где я смогу отыскать Натали. Я предвкушаю нашу встречу, как бережно и крепко я ее обниму. Глядя на приближающийся скалистый остров, я будто приближаюсь к ней.

23 апреля 1639 год

Странными показались мне последние дни. Мы приблизились к острову, но сходить на него не стали, бросили якорь в бухте. Теперь волны заботливо нас укачивают. Никто из команды не задается вопросом, чего же мы ждем. Порой мне кажется, что все матросы знают, а я нет. Я начинаю чувствовать себя чужаком.

Я и Джанило Галиэра не подаем вида, что узнали тайну охраняемого трюма.

26 апреля 1639 год

Меня разбудили крики. Я вскочил с гамака, схватил клинок и побежал на верхнюю палубу. Мне на ум пришла мысль, что вновь грядет морская битва, я был напуган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.